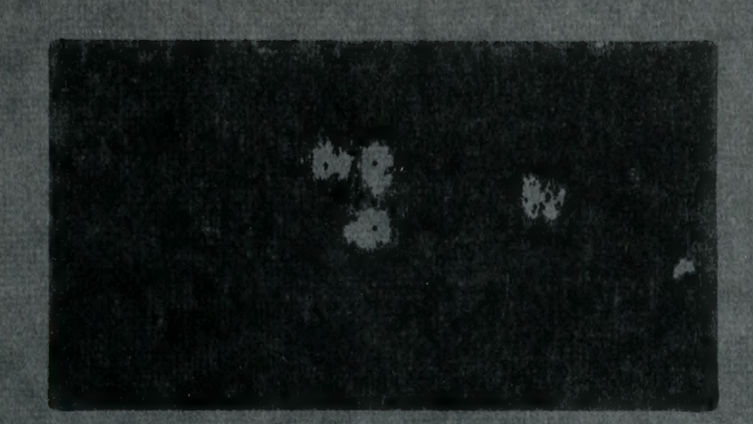

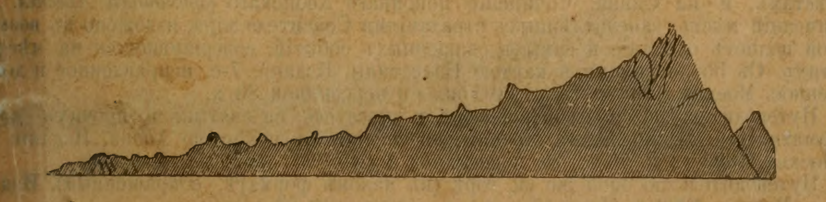
ІЕРОСХИМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ,

ДУХОВНИКЪ

Русскаго на св. Аѳонской горѣ Пантелеимонова монастыря.

Изданіе второе

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.
1901.

Каталогъ книгъ,

изданныхъ Аѳонскимъ Русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ.

Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ,—воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенная словами св. Евангелистовъ. Еп. Ѳеофана. Изд. 2-е. Москва. 1899 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

Той же книги *другое* изданіе, *безъ предисловія,* но представляющее Евангельскую Исторію во всей ея полнотѣ и также съ азбучнымъ указателемъ. Москва. 1899 г. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы, съ изложеніемъ ученія Церкви, прообразованій и пророчествъ, относящихся къ Ней, и чудесъ Ея, на основаніи Священнаго Писанія, свидѣтельствъ св. отцевъ и церковныхъ преданій. Съ 50 рисунками, представляющими святыя мѣста, событія изъ жизни Божіей Матери и прообразованія о Ней. Въ книгѣ этой изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ собрано многое, касающееся земной жизни Пресвятой Богородицы, въ такой полнотѣ, въ которой доселѣ не было подобнаго сочиненія. Въ ней, между прочимъ, въ первый разъ появляется *„Церковно-славянская и русская литература о Божіей Матери.“* Изданіе 7-е, вновь исправленное и дополненное. Въ книгѣ болѣе 375 страницъ, большаго формата. Москва. 1897 г.; цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылой 2 руб.

Избранныя слова св. отцевъ въ честь и славу Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ подобія чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Одигитріи (Путеводительницы). Изданіе 4-е. Москва. 1896 г.; цѣна 50 к., съ пересылкой 70 к.

Бесѣды и нравоученія во славу Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы. Заимствованы изъ книги «Руно орошенное», составленной св. Димитріемъ Ростовскимъ. Съ литограф. изображеніемъ сего святителя. Изданіе 2-е. Москва. 1884 г.; цѣна 40 к., съ пересылкой 50 к.

Вышній покровъ надъ Аѳономъ, или сказанія о чудотворныхъ, на Аѳонѣ прославившихся, иконахъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Съ 41 изображеніемъ чудотворныхъ иконъ. Описаніе иконъ этихъ и бывшихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій являетъ милосердіе Пресвятой Богородицы къ земному Ея удѣлу, св. Аѳонской Горѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ читателя съ замѣчательными событіями, совершившимися на св. Аѳонѣ отъ прославленныхъ чудотвореніями иконъ. Изданіе 8-е, дополненное. Москва. 1892 г.; цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

Аѳонскій патерикъ, или жизнеописанія святыхъ на святой Аѳонской горѣ просіявшихъ, съ литографированнымъ изображеніемъ ихъ. Въ 2-хъ частяхъ. Изданіе 7-е, переработанное. Москва. 1897 г. Цѣна 3 р. 20 к., съ пересылкой 3 р. 80 к. Книга эта вполнѣ знакомитъ съ Аѳонскими подвижниками древнихъ и среднихъ вѣковъ; въ ней описаны житія около ста св. угодниковъ Божіихъ.

Письма святогорца къ друзьямъ своимъ, о святой горѣ Аѳонской, съ портретомъ автора и видомъ келліи его, съ приложеніемъ его біографіи и келейныхъ записокъ. Изданіе 8-е, исправленное и дополненное. Москва. 1895 г.; цѣна 1 р. 80 к., съ пересылкой 2 р. 10 к.

Путеводитель въ святый градъ Іерусалимъ, ко гробу Господню и прочимъ св. мѣстамъ, и на Синай. Сочиненіе покойнаго Аѳонскаго *іеромонаха Арсенія.* При описаніи мѣстъ, запечатлѣнныхъ страданіями Спасителя міра, изложено въ возможной полнотѣ описаніе и самыхъ священныхъ событій, совершившихся на мѣстахъ этихъ. Съ 55 рисунками и картою Палестины. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное. Москва. 1899 г. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 80 к.

Путеводитель по св. Аѳонской горѣ и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей, съ 29 видами монастырей и скитовъ и картою Аѳона. Изданіе 7-е. Москва. 1895 г.; ц. 75 к., съ пересылкой 1 руб.

Путеводитель по оной же св. горѣ (въ маломъ форматѣ, сокращенный). Изданіе 4-е. Москва. 1900 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 20 коп.

Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на св. горѣ Аѳонской. Изданіе 7-е, исправленное и значительно дополненное. Съ 14 рисунками, отпечатанными на веленевой бумагѣ, и фотографическимъ портретомъ почившаго старца, духовника іеросхимонаха Іеронима. М. 1885 г.; цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь, съ картами: абхазскаго побережья и части Римской Имперіи, съ рисунками памятниковъ христіанства въ Абхазіи, видовъ Ново-Аѳонскаго монастыря и портретами почившихъ старцевъ Аѳонскаго Св. Пантелеимона монастыря. Новое, значительно измѣненное и дополненное изданіе. Москва. 1899 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Псалтирь или Богомысленныя размышленія св. Ефрема Сиріанина. Съ изображеніемъ его. Изданіе 7-е. Москва. 1897 г. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 70 коп.

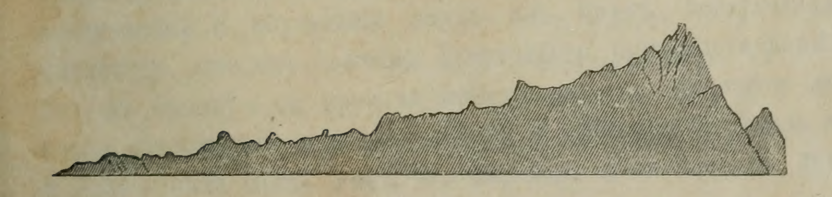
ІЕРОСХИМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ,

ДУХОВНИКЪ

Русскаго на св. Аѳонской горѣ Пантелеимонова монастыря.

Изданіе второе

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова Большая Якиманка, собст. домъ.
1900.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Мая 11 дня, 1900 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Іеросхимонахъ Іеронимъ, духовникъ Русскаго на св. Аѳонской горѣ Пантелеимонова монастыря *).

«Паде кедръ, плачевоплльствите ели» (Зах. 11, 2). 14 ноября 1885 года въ 9 часовъ утра скончался на св. Аѳонской горѣ, въ Русскомъ монастырѣ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, богомудрый старецъ іеросхимонахъ Іеронимъ, духовникъ, ктиторъ, и благодѣтель этой св. обители, послужившій духовному ея обновленію, воздвигшій ее отъ совершеннаго упадка и возведшій ее на высокую степень преуспѣянія духовнаго и вещественнаго своимъ неусыпнымъ попеченіемъ и руководствомъ. Это былъ именно кедръ благосѣннолиственный, подъ тѣнью котораго возрасли и разцвѣли духовно многіе подвижники, это былъ вождь духовный, воспитавшій и обучившій наукѣ изъ наукъ, богоугодному иночеству, многихъ воиновъ Христовыхъ, руководствовавшій ихъ въ браняхъ съ врагами невидимыми, съ отеческою любовію оберегавшій ихъ отъ паденій и побѣжденій. Чтила его и благоговѣла предъ нимъ вся св. гора Аѳонская, въ лицѣ

*) Краткій очеркъ сей составленъ по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ настоятеля Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря архимандрита Макарія и дополненнымъ свѣдѣніями объ о. Іеронимѣ изъ книги Гуслицкаго игумена Парѳенія: „Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи и Турціи инока Парѳенія“, части II, III и IV.

своихъ иноковъ и пустынножителей: русскіе и греки, сербы и болгаре, молдаване и грузины, видѣли въ немъ одинаково святаго и богомудраго наставника къ душеспасенію, опытнаго, любвеобильнаго, милостиваго, исполненнаго даровъ Св. Духа, умѣвшаго цѣлить искусно всякія язвы душевныя. Но не на одной горѣ Аѳонской чтили о. Іеронима, по всей Россіи славилось имя его, ибо многіе изъ Русскихъ бывая на св. горѣ Аѳонской, входили съ нимъ въ сношенія духовныя, почерпали отъ него совѣты и наставленія душеполезныя, навсегда сохраняли къ нему чувства сыновняго уваженія, и возвратясь въ отечество свое, повѣдывали о немъ много дивнаго, какъ о великомъ старцѣ-духовникѣ, какъ носителѣ Божіей благодати въ немъ обитавшей, чрезъ него дѣйствовавшей къ душеназиданію и спасенію человѣковъ. Рано еще говорить о немъ подробно, трудно собрать такъ скоро всѣ бисеры преподобной его жизни; но къ общему назиданію не лишне будетъ повѣдать о немъ изъ многаго хотя малое, что давно уже извѣстно о немъ было, повѣдать также о послѣднихъ дняхъ его жизни, кончинѣ и погребеніи.

Іеросхимонахъ Іеронимъ родился 1803 года 28 іюня, въ г. Старомъ-Осколѣ Курской губерніи, отъ православныхъ и благочестивыхъ родителей купеческаго званія. Отецъ его, Павелъ Григорьевичъ Соломенцовъ, мать Марѳа Аѳанасьевна (въ послѣдствіи схимонахиня Еввула) имѣли большой достатокъ. Кромѣ о. Іеронима во св. крещеніи нареченнаго Іоанномъ, имѣли они еще трехъ сыновей и одну дочь. Старшій сынъ ихъ былъ монахомъ, и весь родъ Соломенцовыхъ отличался вообще наклонностію къ подвигамъ духовнымъ: изъ него около 15 человѣкъ мужскаго и женскаго пола подвизались въ иночествѣ. Іоаннъ Павловичъ Соломенцевъ съ юныхъ лѣтъ возлюбилъ Господа Бога отъ всей души, и всѣми помыслами своими стремился служить Ему въ подвигахъ поста и молитвы. Онъ былъ инокомъ по природѣ своей души: сынъ

богатыхъ родителей, не плѣнялся онъ этимъ богатствомъ, тяготился роскошью, уклонялся удовольствій мірскихъ и искалъ единаго на потребу, спасенія души, и при помощи Божіей, живя въ мірѣ, соблюлъ себя непорочнымъ отъ его сквернъ. Дѣвственную чистоту души и тѣла тщательно сберегъ онъ среди міра, его соблазновъ и суетъ. По торговымъ дѣламъ родителя своего приходилось ему вращаться межъ людьми разныхъ свойствъ, но среди ихъ мудро соблюдалъ онъ вѣрность Господу и тщательно исполнялъ Его св. заповѣди. Тяготили его занятія торговыя; но такъ какъ старшій братъ его былъ въ монастырѣ, а младшіе братья только еще подростали, волей-неволей приходилось ему нести это тяжкое для него иго, помогать родителю своему въ его дѣлахъ. Такъ прожилъ онъ до 25 лѣтъ своей жизни, тая въ себѣ званіе Божіе къ иночеству, желаніе котораго все болѣе и болѣе въ немъ разгоралось. Повѣренною его въ этомъ желаніи была сестра его Евдокія Павловна, дѣвица рѣдкой красоты, кроткая и благонравная, которая подобно брату воему всецѣло стремилась обручить себя Жениху нетлѣнному, сладчайшему Господу Іисусу. Родители межъ тѣмъ прочили ее въ замужество, готовили ей богатое приданое, всячески ее рядили, что очень тяжко ей было. Слыша о ея красотѣ и богатомъ за нею приданомъ, многіе купцы сватали ее за своихъ сыновей, но она подъ разными благовидными предлогами отказывала женихамъ, ибо твердо рѣшилась не идти въ замужество, но посвятить себя подвигамъ иноческимъ. При одинаковыхъ наклонностяхъ и стремленіяхъ, тѣсная дружба о Господѣ соединила брата и сестру: они другъ друга подкрѣпляли, ободряли и дружно шли по пути подвижничества духовнаго. Ни тотъ, ни другая, не рѣшались объявить родителямъ своимъ о своемъ желаніи идти въ монастырь, ибо знали, что этимъ огорчатъ ихъ и прогнѣваютъ. Пришлось ждать и терпѣть обоимъ, когда Богъ

укажетъ удобное къ тому время. И вотъ однажды показалось имъ, что родители въ хорошемъ расположеніи духа находятся, почему, поговоривъ межъ собою, рѣшились они вмѣстѣ приступить къ нимъ съ просьбами отпустить ихъ въ монастыри. Сперва приступилъ къ родителямъ своимъ Іоаннъ Павловичъ: ставъ предъ ними на колѣни, весь въ слезахъ, просилъ ихъ не томить его жизнію мірскою, благословить и отпустить его въ монастырь. Огорчились родители этою просьбой сына, котораго надѣялись видѣть своею опорой и помощникомъ по торговлѣ. Молчалъ отецъ, молчала и мать, оба плакали; плакалъ и сынъ, не смѣя нарушить скорбнаго молчанія своихъ родителей, ибо видѣлъ, какъ тяжело имъ было съ нимъ разлучаться. Это молчаніе нарушила Евдокія Павловна, въ свою очередь подошла къ отцу и матери: она стала предъ ними на колѣни и начала ихъ просить, не неволить ее къ замужеству, но тоже благословить и отпустить въ монастырь. Не выдержали родители этого двойнаго приступа къ нимъ своихъ дѣтей, сильно прогнѣвались на нихъ, и гнѣвъ ихъ болѣе всего палъ на сына Іоанна Павловича. «Это ты намъ наводишь такія скорби, говорили они ему гнѣвно, — самъ задумалъ насъ оставить и идти въ монахи, да еще и сестру къ томуже склонилъ. Нѣтъ, обоихъ васъ вмѣстѣ ни за что не отпустимъ; а если хочешь ты, чтобъ сестра твоя шла въ монастырь, то самъ долженъ съ нами остаться на два года, пока подростутъ окончательно твои братья». Тяжело было слышать это Іоанну Павловичу, но видя рѣшимость своихъ родителей и признавая, что есть въ словахъ ихъ доля правды, рѣшился онъ пожертвовать собой для духовнаго блага любимой сестры, обѣщался еще два года пожить при родителяхъ, лишь бы не неволили они сестру его къ замужеству и поскорѣе отпустили ее въ монастырь. Евдокія Павловна была отпущена родителями въ монастырь въ г. Орелъ, гдѣ иночествовала ея родная тетка. Въ послѣд-

ствіи поступила она въ Борисовскую Тихвинскую женскую пустынь, Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда, гдѣ и была настоятельницею подъ именемъ игуменіи Маргариты*). Разлучившись съ сестрою, Іоаннъ Павловичъ началъ чувствовать духовное одиночество; уныніе стало его смущать, и врагъ спасенія человѣческаго возсталъ на цѣломудреннаго юношу съ сильною бранью плотскихъ страстей. Родители начали предлагать ему женитьбу, сватали богатыхъ невѣстъ, чѣмъ еще болѣе усугубляли брань. Строгимъ постомъ, нощными молитвенными бдѣніями боролся юноша съ приражѣніями міра, плоти и діавола, кровно боролся, оберегая свою дѣвственную чистоту, и эта борьба отразилась на его здоровьѣ. Онъ исхудалъ, совсѣмъ высохъ, мало вкушалъ пищи, почти не спалъ и близокъ былъ къ умопомѣшательству. Но Господь, попускающій сильнымъ борцамъ сильныя искушенія, испытавъ крѣпость его произволенія, явилъ ему въ брани Свою помощь, явилъ дивно, чѣмъ и запечатлѣлъ навсегда его духовное избраніе. Въ одну ночь, когда приступъ плотской брани въ немъ былъ особенно силенъ и видѣлъ онъ себя совсѣмъ погибающимъ, ибо помощи ни откуда не было, молитва какъ бы перестала дѣйствовать, умъ помрачился, облака помысловъ страстныхъ затемняли самосознаніе, и весь онъ горѣлъ какъ бы въ огнѣ,—бросился онъ изъ комнаты своей въ садъ, и здѣсь подъ деревомъ палъ на колѣни и сталъ слезно молить Господа Бога помочь его безсилію, защитить его отъ силы вражіей, сохранить его въ чистотѣ. «Если Ты, Господи, не поможешь мнѣ, говорилъ онъ воодушевленно, то уже болѣе не могу терпѣть сей брани. Возьми же, Господи, лучше душу мою отъ меня, чѣмъ осквернить мнѣ ее плотскою нечистотой». Много и долго молился юноша подъ открытымъ небомъ въ нощной тишинѣ, и вотъ около

*) Игуменія Маргарита скончалась 14 сентября 1886 года.

полуночи внезапно разверзлись надъ головой его небеса, и свѣтъ, подобный огненному пламени, снисшелъ на него съ высоты, не опалилъ его, но чудно прохладилъ, исполнивъ сердце его неизъяснимой радости. Палъ онъ на землю отъ изнеможенія, лежалъ, какъ мертвый, и чувствовалъ, что таинственный огонь проходитъ во всѣ жилы его и составы, прохлаждаетъ и истребляетъ въ нихъ огонь плотскихъ похотѣній. Такъ пролежалъ онъ долго, пока не заблаговѣстили къ заутрени: тогда очнулся онъ и всталъ. Чувствовалъ себя совсѣмъ новымъ человѣкомъ: на душѣ было свѣтло и радостно, помысловъ страстныхъ какъ не бывало, и самое тѣло его стало какъ-то необычайно легко и подвижно. Пошелъ онъ въ церковь къ заутрени, усердно молился и благодарилъ Бога за избавленіе отъ страстной непосильной брани. Пришедъ изъ церкви домой, увидалъ, что то дерево, подъ которымъ онъ ночью молился и сподобился видѣнія благодатнаго, засохло и стояло обнаженное отъ своихъ листьевъ и плодовъ. Скоро замѣтили это и домашніе его и много удивлялись, какъ случилось, что это дерево въ одну ночь такъ внезапно усохло. Одинъ Іоаннъ Павловичъ понялъ истинную причину этого явленія, но утаилъ ее отъ всѣхъ во глубинѣ своего сердца. Онъ благодарилъ Господа денно-нощно за это чудное проявленіе на немъ Промысла Божія и помощи ему свыше, ибо съ тѣхъ поръ совершенно избавился онъ отъ брани плотской, мирно пребывалъ въ мірѣ среди всѣхъ его соблазновъ и преуспѣвалъ въ подвигахъ духовныхъ *). Такимъ образомъ пребывалъ онъ при родителяхъ

*) Примѣч. къ 2 изд. Были еще съ о. Іеронимомъ замѣчательные случаи исцѣленія отъ болѣзней:

1) Въ собственноручной записи о. архимандрита Макарія сохранился такой разсказъ, слышанный имъ лично отъ о. Іеронима: „Однажды, говорилъ старецъ, въ годину испытанія Россіи болѣзнію холерою, я ѣхалъ изъ Стараго Оскола въ Острогожскъ. Чувствуя въ себѣ припадки холеры, я остановился въ селѣ Репьевкѣ и на мѣстѣ еще болѣе чувствовалъ болѣзнь. Меня безпрестанно рвало и несло. Не желая безпокоить хозяевъ дома, ибо и ку-

своихъ до 27 лѣтъ своей жизни. Наконецъ Господь преклонилъ сердце родителей его не удерживать его болѣе въ мірѣ и дать ему благословеніе на поступленіе въ монашество, ибо убѣдились они наконецъ вполнѣ, что къ міру и его красотамъ не лежитъ сердце ихъ сына, но что всецѣло объятъ онъ желаніемъ служить Богу въ подвигахъ иноческихъ. Въ это время Господь послалъ Ивану Павловичу собрата по духу, именемъ Николая, который подобно ему горѣлъ желаніемъ иночества, и съ которымъ могъ онъ откровенно бесѣдовать и совѣщаться, какъ и гдѣ обрѣсти имъ удобное при-

---

черъ мой (тогда ѣздили на своихъ лошадяхъ) возможнымъ образомъ сторонился отъ меня, уклоняясь въ чемъ либо мнѣ послужить, ходя подъ навѣсомъ дома и чувствуя въ себѣ крайнее ослабленіе, я рѣшился сѣсть въ свою повозку и тамъ ожидать смерти, держа въ умѣ молитву Іисусову, основываясь на изреченіи слова Божія: „въ чемъ застану, въ томъ и сужду." Убѣдившись въ этомъ своемъ помыслѣ я усѣлся, крѣпко молясь не о томъ, что-бы избавиться отъ болѣзни: но что мною не исполненъ данный обѣтъ идти въ монашество, хотя причины сего и были довольно благословны. Размышляя такимъ образомъ, я пришелъ въ какое то забвеніе и глядя открытыми глазами, вижу предъ собою боголѣпную жену—всю въ бѣломъ одѣяніи и покрытую какъ бы флеромъ; возлѣ Ея, гораздо ниже, какъ бы до колѣнъ стоитъ мужчина въ голубомъ свѣтломъ одѣяніи; сверху плащъ. Помыслъ мнѣ сказалъ, что это Божія Матерь и св. Іоаннъ Богословъ, и тотчасъ я пришелъ въ сознаніе и почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Перекрестившись и поблагодаривъ Господа, я проворно соскочилъ съ повозки и пошелъ по направленію къ жилищу. Возница мой съ величайшимъ удивленіемъ смотритъ на меня и слѣдуетъ за мною. Прійдя въ хату, я тотчасъ спросилъ кушать, и нашелъ единственно только жидкую молочную кашу, называемую по малороссійски кулешъ (чего въ то время наиболѣе опасались). Сверхъ моего обыкновенія я покушалъ достаточно и совершенно выздоровѣлъ. Событіе сіе всегда живо представляется въ моей памяти, съ благодарностію къ Царицѣ небесной и св. Іоанну Богослову. Припоминаю и то, что будто бы Царица небесная указала перстомъ Своей правой руки на меня, обращаясь къ св. Іоанну Богослову,—было ли при семъ что произнесено,—я не помню.

2. Въ Троице-Сергіевой Лаврѣ жилъ престарѣлый игуменъ о. Іоиль, скончевшійся въ 1880-хъ годахъ; онъ былъ постриженникомъ Русика, въ который поступилъ вмѣстѣ съ о. Іеронимомъ въ 1840 г. и прожилъ въ немъ до 1854 г., когда, во время войны, выѣхалъ съ Аѳона и жилъ въ россійскихъ монастыряхъ, гдѣ и получилъ санъ игумена.—Одинъ изъ иноковъ Русика, бывши въ Лаврѣ у о. Іоиля, при разговорѣ съ нимъ объ Іеронимѣ сказалъ: вотъ нашему старцу 80 лѣтъ, а онъ еще читаетъ безъ очковъ, чему всѣ

станище ко спасенію. Въ началѣ 1831 года оба ревнителя подвиговъ духовныхъ, съ котомками странническими за плечами, вышли изъ роднаго города въ путь дорогу, пошли постранствовать по Россійскимъ монастырямъ и присмотрѣться въ нихъ къ чину и порядку иноческаго житія. Пожили они нѣкоторое время сперва въ Дивногорскомъ монастырѣ Воронежской губерніи, потомъ въ Хотмыжскомъ монастырѣ Курской губерніи; но жизнь въ обоихъ монастыряхъ сихъ не соотвѣтствовала ихъ стремленію иночествовать не ради сановъ и степеней иноческихъ, а единственно ради спасенія души. Видѣли они хорошо, что въ этихъ монастыряхъ не избѣжать имъ скораго повышенія и неразлучнаго съ нимъ

удивляются. О. Іоиль улыбнулся и говоритъ: „и будетъ читать безъ очковъ до могилы.“ Почему-же такъ? спросилъ заинтересованный инокъ.—„Ну, ужь, эта тайна, отвѣтилъ о. Іоиль,—нельзя сказать.“ Наконецъ послѣ усиленныхъ просьбъ о. Іоиль разсказалъ мнѣ, съ условіемъ никому не говорить до смерти о. Іеронима, слѣдующее: „Когда до поступленія въ руссикъ мы съ о. Іеронимомъ жили въ пустынной келліи, и еще нѣсколько учениковъ его, то исправно каждый день исполняли все церковное правило, кромѣ литургіи, и о. Іеронимъ, какъ хорошій чтецъ и пѣвецъ, много самъ читалъ и пѣлъ. Но въ одну ночь, вставши къ утрени, онъ внезапно лишился зрѣнія, безъ всякой особенной причины, такъ, что не могъ уже ничего читать. Мы всѣ очень опечалились, и самъ онъ тоже скорбѣлъ. Не помню, сколько дней это продолжалось; но какъ-то послѣ повечерія онъ вышелъ въ окружающій келлію лѣсъ, провелъ тамъ всю ночь, а возвратясь опять началъ по прежнему читать въ церкви правило съ большей быстротой. Мы очень удивились и стали вопрошать о причинѣ скорой перемѣны въ состояніи зрѣнія; но о. Іеронимъ умалчивалъ и нехотѣлъ намъ ничего сказать, и уже послѣ убѣдительныхъ просьбъ, когда мы упали ему въ ноги, онъ рѣшился открыть намъ, какъ тайну, съ обязательнымъ для насъ условіемъ, никому не говорить до того времени, пока онъ будетъ въ могилѣ. „Когда я, сказалъ о. Іеронимъ, ночью въ лѣсу усердно молился ко Господу и Царицѣ небесной о дарованіи зрѣнія,—вдругъ вижу явившуюся мнѣ Владычицу въ небесномъ сіяніи. Въ благоговѣйномъ страхѣ и трепетѣ я упалъ ницъ къ ногамъ Ея и услышалъ отъ Нея слѣдующія слова: „молитвы твои и обѣщанія Господу и мнѣ приняты, но смотри же, старайся исполнить ихъ во всей точности; а Я исцѣляю твое зрѣніе съ тѣмъ, что до самой кончины твоей будешь читать безъ очковъ.“ И затѣмъ Она стала невидима.“—Такъ вотъ почему, заключилъ о. Іоиль, читаетъ о. Іеронимъ безъ очковъ. И дѣйствительно, о. Іеронимъ до самой смерти безъ затрудненія читалъ мелкую печать и письмо, никогда не употребляя очковъ.

сана священства, котораго особенно трепеталъ смиренномудренный Иванъ Павловичъ, искавшій въ иночествѣ болѣе всего безмолвія душевнаго, не надѣясь сохранить его при санѣ священства. Онъ разспрашивалъ бывалыхъ людей — странниковъ, гдѣ есть на Руси такая пустынная обитель, гдѣ бы можно было ему обрѣсти желаемое безмолвіе и уклониться отъ сана священства. Сказали ему, что въ Россіи врядъ ли найдетъ онъ подобное мѣсто, и совѣтовали ему направить стопы свои на св. гору Аѳонскую, гдѣ это удобно онъ можетъ найти въ тамошнихъ уединенныхъ скитахъ и пустынныхъ келліяхъ. И вотъ оба друга отправились на Аѳонъ, но не суждено было Богомъ сразу достигнуть этого многожелаемаго ими небурнаго пристанища ко спасенію. Пріѣхавъ въ Константинополь, по случаю открывшейся тамъ чумы, не были они допущены на берегъ и должны были возвратиться въ Россію. Пошли они изъ Одессы на Воронежъ, чтобы поклониться св. мощамъ святителя и чудотворца Митрофана, и тѣмъ хотя нѣсколько утишить свою скорбь. Здѣсь былъ въ то время одинъ юродивый, отличавшійся даромъ прозорливости, и вотъ оба странника пожелали услышать отъ него, есть ли воля Божія быть имъ на св. Аѳонской горѣ и подвизаться тамъ. Когда пришли они къ юродивому и спросили его объ этомъ, тотъ, пристально на нихъ поглядѣвъ, сказалъ имъ: «Идите, мои братія Старооскольцы, идите въ св. гору Аѳонскую, идите: ты, братъ мой Николай, прійдешь туда, не много поживешь, получишь св. схиму, и отправишься въ невозвратный путь; а ты, братъ мой Іоаннъ, прійдешь на Аѳонъ, да свой улей пчелъ заведешь и будешь рои отпускать. Идите, Богъ васъ благословитъ»! Пришлось однако братьямъ Старооскольцамъ нѣкоторое время потерпѣть еще въ Россіи, пока путь на Аѳонъ сдѣлался для нихъ свободенъ. Поступили они въ Толшевскій монастырь Воронежской губерніи, и здѣсь прожили около двухъ лѣтъ

оаннъ Павловичъ проходилъ тамъ послушаніе клиросное и трапезное, и благонравіемъ своимъ привлекъ къ себѣ любовь всей братіи *). Уговаривали его остаться тамъ навсегда,

---

*) Къ этому времени относится записанный самимъ о. Іеронимомъ слѣдующій разсказъ:

„Предъ путешествіемъ моимъ за границу на Аѳонъ въ 1836 г. я жилъ въ Толшевской пустыни, Воронежской губерніи. Въ этой общежительной обители мнѣ дано было два послушанія: такъ какъ я зналъ пѣніе и простое и нотное, то мнѣ приказано было ходить на клиросъ пѣть, а къ этому еще поручена была братская трапеза, гдѣ я служилъ отцамъ съ однимъ помощникомъ.

Однажды, это было въ январѣ мѣсяцѣ, по окончаніи первой и второй вечерней трапезы и по уборкѣ всего, (что протянулось до 10 час.) давши другъ другу прощеніе, мы пошли по своимъ келліямъ спать. Ночь хотя была безлунная, но небо было чистое, и звѣзды ярко блистали. Идя въ свою келлію, я замѣтилъ, что огни у отцовъ въ келліяхъ были уже потушены. Пришедши въ келлію я прочиталъ повечеріе и чувствовалъ себя очень спокойнымъ и вовсе не расположеннымъ ко сну; но такъ какъ до утрени времени оставалось мало, то я расположился лечь на кровать, дабы хотя немного поспать, но еще не легъ, и въ это время мысль сказала мнѣ: „бѣсъ идетъ.“—Я спокойно спросилъ у нея: „гдѣ-жь онъ?“—„Вотъ, смотри на сѣверовостокъ,“ отвѣтила мысль. Я сказалъ: „ну пусть идетъ!“ и обратилъ туда глаза свои.—И въ самомъ дѣлѣ, стѣна келліи исчезла, и я увидѣлъ въ разстояніи около пятидесяти саженей человѣка чернаго, похожаго на цыгана, средняго роста, голаго, кругленькаго, волосы на головѣ имѣющаго короткіе. Онъ приближался ко мнѣ медленно, и чѣмъ ближе онъ подходилъ ко мнѣ, тѣмъ болѣе лицо его багровѣло или краснѣло. Я смотрѣлъ на него пристально, но спокойно, безъ малѣйшаго страха. Когда же онъ приблизился ко мнѣ такъ какъ на три или четыре сажени, тогда лицо у него сдѣлалось очень красно-огненное, что заставило меня болѣе не допускать его до себя, и я съ полнымъ спокойствіемъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, произнесши слова: силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня... За этимъ бѣсъ исчезъ мгновенно и все въ келліи приняло свой видъ.—Я хоть и очень удивился этому видѣнію, впрочемъ легъ на кровать и спокойно заснулъ до утрени. По утру я разсказалъ моимъ друзьямъ о случившемся мнѣ видѣніи и они подивились этому.—Одинъ изъ нихъ сказалъ, что видѣнію сему должна быть какая либо причина, ибо безъ причины не бываетъ дѣйствія. Я началъ искать въ себѣ причины, и хотя не скоро, но благодать Божія помогла мнѣ найти ее. Вотъ въ чемъ нашлась причина. Когда я былъ лѣтъ 12-ти, то читалъ Четь-Минеи, т. е. житія Святыхъ, и когда прочитывалъ житія преподобныхъ, въ которыхъ писано о разнообразныхъ явленіяхъ бѣсовъ и о безсиліи ихъ предъ знаменіемъ Честнаго Креста, я всегда дивился этому и нерѣдко задавалъ себѣ вопросъ: отъ чего такіе гордые и сильные существа, князи грѣховнаго міра, такъ много боятся Св. Креста, что отъ одного его знаменія мгновен-

но нѣкое непреодолимое влеченіе тянуло его на Аѳонъ, и какъ только узналъ онъ, что путь на св. Аѳонскую гору сталъ свободенъ, ничто не могло удержать его долѣе въ Толжевской обители. Вмѣстѣ съ Николаемъ пошелъ онъ въ свой городъ Старый Осколъ, прожилъ въ немъ нѣкоторое время, въ которое удалось имъ собрать вокругъ себя около 15 человѣкъ Старооскольцевъ, пожелавшихъ вмѣстѣ съ ними отправиться на Аѳонъ. Въ 1836 году въ октябрѣ прибыли они на св. Аѳонскую гору и прежде всего озаботились найти себѣ опытнаго и духовнаго старца духовника, которому бы могли они всецѣло довѣриться съ пользой душевною. Въ то время на Аѳонѣ славился святостію жизни, разсужденіемъ духовнымъ и глубокою опытностію въ подвижническомъ пути, старецъ-духовникъ іеросхимонахъ Арсеній. Родомъ былъ онъ изъ Великой Россіи, уроженецъ Нижегородской губерніи города Балахны. Въ юности оставилъ онъ домъ родителей своихъ, мѣщанъ-торговцевъ, пошелъ странствовать по святымъ мѣстамъ и наконецъ поступилъ въ число братіи Николаевской Пѣсношской общежительной пустыни Московской губерніи, гдѣ прожилъ три года; наслышавшись же о стро-

---

но исчезаютъ. Такое невѣжественное мое сомнѣніе въ силѣ Честнаго Креста и было во мнѣ до этого случая, коимъ благодать Божія благоволила увѣрить меня на опытѣ во всесиліи Честнаго и Животворящаго Креста Господня.“

Впослѣдствіи на Аѳонѣ, лѣтъ за 10 до кончины старца, былъ съ нимъ подобный случай, о коемъ онъ разсказывалъ нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и покойному настоятелю Іерусалимской Миссіи о. архимандриту Антонину, который по смерти старца упоминалъ о семъ въ письмѣ къ о. архимандриту Макарію.—Старецъ по ночамъ почти не спалъ, и по причинѣ безпокоившихъ его болѣзней и для болѣе удобнаго упражненія въ молитвѣ. Однажды ночью, ходя по келліи съ чотками въ рукахъ, онъ вдругъ видитъ, что потолка въ келліи какъ бы нѣтъ и предъ нимъ стоитъ исполинскаго роста страшилище. Въ страхѣ и ужасѣ отъ необычайнаго видѣнія онъ, по словамъ его, только при помощи благодати Божіей могъ удержаться на ногахъ. Страшилище тотчасъ исчезло. Разсуждая о семъ, старецъ полагалъ, что это было ему вразумленіемъ за то, что онъ иногда легко относился къ братскимъ смущеніямъ отъ страхованій, считая ихъ за ничто.

гой подвижнической жизни иноковъ въ монастыряхъ Молдавіи, туда отправился, всѣ ихъ обошелъ и наконецъ поселился въ Балашевскомъ скиту близъ города Буташани, гдѣ нашелъ себѣ опытнаго старца-духовника, которому всецѣло вручилъ себя въ полное послушаніе. Старецъ постригъ его во иночество съ именемъ Авеля, и потомъ принудилъ принять рукоположеніе іерейское. Сперва очень тяжко было ему это рѣшеніе старца, и онъ сталъ просить его не налагать на него бремя, превышающее его силы, не возводить его на степень священства; но старецъ объявилъ ему, что такова о немъ воля Божія и что истинному послушнику не подобаетъ имѣть своего разсужденія, а должно творить повелѣнное ему старцемъ его безъ возраженія. Авель поклонился своему старцу и сказалъ: «прости мя, отче святый, согрѣшилъ предъ тобой; твори со мной, что тебѣ угодно»! и такимъ образомъ сдѣланъ былъ іеромонахомъ, и несмотря на это, жилъ въ полномъ послушаніи у своего старца до самой его кончины. Имѣлъ онъ и спостника себѣ единонравнаго, инока Никандра, тоже Русскаго родомъ, съ которымъ вмѣстѣ пришелъ въ Балашевскій скитъ и жилъ у старца-духовника. Послѣ смерти его о. Никандръ сталъ просить о. Авеля быть ему старцемъ-духовникомъ, но тотъ на это не согласился, а положили они межъ собой жить одному у другаго въ полномъ послушаніи, по-братски, и такъ проводили жизнь богоугодно. Затѣмъ оба получили откровеніе свыше оставить Молдавію и переселиться на св. гору Аѳонскую, и сколько ни отговаривали ихъ отъ этого отцы Балашевскаго скита, коимъ жалко было разставаться съ добрыми сими подвижниками, сколько ни стращали ихъ трудностію пути на Аѳонъ и свирѣпостію Турокъ, они рѣшились не медля туда ѣхать, повинуясь званію на то Божію. Не безъ трудовъ, скорбей и лишеній достигли они св. горы Аѳонской, гдѣ и поселились во владѣніяхъ Иверскаго монастыря въ пустынномъ

скиту св. Іоанна Предтечи. Оба приняли на себя св. схиму, Авель съ именемъ Арсенія, а Никандръ съ именемъ Николая, и воздѣлывая огороды, работая ложки, добывали себѣ трудомъ рукъ своихъ дневное пропитаніе, чуждаясь всякаго излишества и стяжанія земнаго. О. Арсеній, начитанный книгами святоотеческими, прошедшій самъ строгую школу послушанія, исполненный разсужденія духовнаго и многими иными дарами Св. Духа, скоро привлекъ къ себѣ многихъ желавшихъ имѣть его своимъ старцемъ-духовникомъ, что стало нарушать безмолвіе обоихъ старцевъ въ скиту Предтечи, почему избрали они себѣ для жилья разоренную келлію св. Іоанна Златоуста по сосѣдству этого скита, въ глубокой пустыни, оправили ее и поселились въ ней на безмолвіе. Здѣсь послѣ девятнадцатилѣтняго пребыванія на св. горѣ, схимонахъ Николай скончался преподобною кончиной, а іеросхимонахъ Арсеній настолько преуспѣлъ въ подвигахъ духовныхъ, что сталъ подобенъ древнимъ богоноснымъ отцамъ Антонію, Макарію, Евѳимію и другимъ, сподобился подобно имъ особыхъ даровъ Божіей благодати, сталъ видимымъ сосудомъ Св. Духа. Ни рыбы, ни сыру, ни масла, ни вина ни вкушалъ онъ во всѣ дни жизни своей на Аѳонѣ; скудную пищу принималъ однажды въ день передъ вечеромъ, въ понедѣльники же, среды и пятки ничего не вкушалъ, между тѣмъ былъ бодръ и свѣжъ лицемъ; обладалъ даромъ слезъ въ высокой степени, и особенно когда литургисалъ въ своей пустынной церковцѣ, то не могъ удержаться отъ слезъ, лилъ ихъ неудержимо. Любилъ часто литургисать, жилъ въ крайнемъ нестяжаніи и жившихъ при немъ руководилъ благоуспѣшно къ преуспѣянію духовному. Когда въ 1836 году прибылъ на Аѳонъ изъ Россіи іеромонахъ Аникита, князь Ширинскій-Шихматовъ, тоже великій подвижникъ духовный, то онъ избралъ духовникомъ себѣ іеросхимонаха Арсенія и до самой кончины своей состоялъ къ нему въ

самыхъ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ. Немало скорбей испыталъ о. Арсеній въ теченіе своей жизни на Аѳонѣ отъ неразумія людскаго, но все это терпѣлъ и переносилъ съ полною покорностію волѣ Божіей. Пришлось ему переселиться изъ пустынной келліи св. Іоанна Златоуста въ скитъ *Лакъ* св. великомученика Димитрія, гдѣ тоже въ послѣдствіи нельзя ему было оставаться, и наконецъ пріобрѣтя себѣ уединенную келлію Св. Троицы близъ монастыря Ставроникиты, въ ней дожилъ онъ до своей смерти, свято чтимый и ублажаемый всѣми иноками Аѳонской горы, особенно же Русскими, видѣвшими въ немъ своего верховнаго вождя духовнаго и пастыря. Старецъ Арсеній распоряжался властно на св. горѣ, и противорѣчить ему никто не могъ, ибо были случаи, что противорѣчившіе ему были наказаны Богомъ, почему во всѣхъ монастыряхъ и скитахъ св. горы слово его было уважаемо, какъ слово человѣка Божія. Самъ дѣлатель умной молитвы Іисусовой, достигъ онъ въ ней преуспѣянія высокаго, и учениковъ своихъ вѣрно руководилъ на пути этого нелегкаго, но спасительнаго дѣланія иноческаго. Отличался даромъ прозорливости, не лишенъ былъ и дара чудотворенія,—какъ пернатый въ короткое время протекалъ дальнія пространства, неудобопроходимыя дороги, все это покрывая покровомъ дивнаго смиренія. Вотъ къ этому-то св. старцу привелъ Богъ братьевъ Старооскольцевъ Іоанна и Николая, и въ немъ нашли они себѣ истиннаго отца и наставника во спасеніе. Провидя Духомъ Божіимъ имѣющихъ въ нихъ быть подвижниковъ духовныхъ, принялъ онъ ихъ съ любовію, постригъ въ иночество, при чемъ Іоанна нарекъ Іоанникіемъ, а Николая—Никитой, и водворилъ ихъ вблизи своей келліи, благословивъ о. Іоанникію купить себѣ пустынную келлію св. Иліи пророка, а о. Никитѣ такую же келлію свв. Архангеловъ, гдѣ онъ, проживъ только два года и сподобившись св. схимы съ именемъ Никодима, мирно скончался, по пред-

реченію воронежскаго юродиваго прозорливца. О. Іоанникій пользовался особеннымъ довѣріемъ и любовію старца Арсенія, видя въ немъ сосудъ избранный и чистый, вполнѣ способный вмѣстить высокое ученіе духовное; о. Арсеній сдѣлалъ его своимъ сотаинникомъ, руководилъ его въ дѣланіи молитвы Іисусовой, которую преподавалъ ему непрелестно изъ своего опыта духовнаго. О. Іоанникій прилѣпился къ нему искреннею сыновнею любовію, хранилъ къ нему полное послушаніе, всѣ помыслы души своей ему всецѣло открывалъ, и всякое слово его было для него закономъ. Тихо и безмолвно текла жизнь его въ пустынной келліи св. пророка Иліи; по благословенію старца своего принялъ онъ къ себѣ нѣсколько учениковъ для совмѣстнаго жительства въ келліи, которыми руководилъ по наставленіямъ старца своего въ духѣ кротости и смиренія. Вмѣстѣ трудились они съ нимъ въ саду и огородѣ, вмѣстѣ молились съ нимъ въ келейной его церковцѣ, куда изрѣдка приходилъ самъ старецъ Арсеній, совершалъ божественную литургію и причащалъ ихъ св. Таинъ отъ своихъ преподобныхъ рукъ, и таковые дни великимъ праздникомъ бывали для смиренныхъ келліотовъ. Самъ о. Іоанникій не дерзалъ и думать о санѣ священства; еще въ Россіи призналъ онъ себя недостойнымъ сего сана и на Аѳонѣ не измѣнилъ этого о себѣ мнѣнія, которое поддерживалъ въ немъ и старецъ Арсеній, для усовершенствованія его въ смиреніи. Не свыше трехъ учениковъ имѣлъ при себѣ о. Іоанникій, тяготясь вообще многолюдствомъ. Какъ истинный любитель безмолвія, удалялся онъ людей, памятуя слова великаго Арсенія: «бѣгай людей и спасешися, ибо это—корень безгрѣшія». Ученики его взирали на него какъ на примѣръ для нихъ достоподражательный: никогда не видали они его празднымъ, или гнѣвавшимся, никого изъ нихъ не оскорбилъ онъ никогда не только словомъ, ни ниже взглядомъ; съ кротостію и долготерпѣніемъ обличалъ, по-

училъ, руководилъ ихъ по пути подвижническому, болѣе своимъ примѣромъ, чѣмъ словами, почему искренно они его любили, и всякій день, безъ него проведенный, считали для себя несчастнымъ. Самъ о. Іоанникій любилъ ихъ искренно, носилъ немощи ихъ терпѣливо, и такъ свыкся съ уединенно-пустынною своею жизнію, что объ одномъ молилъ Бога, чтобы сподобилъ его такъ и скончать на Аѳонѣ жизнь свою земную. Но Господу угодно было избрать его на другое поприще и служеніе на Аѳонѣ, о которомъ никогда не дерзалъ онъ и помышлять и которое совершенно не подходило къ всегдашнимъ желаніямъ и стремленіямъ его души. Въ то время хотя и не мало пребывало Русскихъ на св. Аѳонской горѣ, но всѣ они были разсѣяны по разнымъ обителямъ, скитамъ и келліямъ, не имѣли себѣ постояннаго мѣстожительства и терпѣли не мало скорбей и невзгодъ. Древнее достояніе Русскихъ на св. Аѳонской горѣ, монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, именуемый Руссикъ, самымъ названіемъ своимъ свидѣтельствовавшій о томъ, что издревле принадлежалъ Русскимъ, въ прошломъ столѣтіи перешелъ всецѣло во владѣніе Грековъ, которые изгнали изъ него Русскихъ, и хотя за это жестоко потомъ поплатились раззореніемъ и запустѣніемъ своего монастыря, тѣмъ не менѣе не спѣшили загладить свою вину предъ Русскими и возвратить имъ ихъ древнее достояніе, или хоть дать имъ въ немъ участіе мѣстожительства. Іеромонахъ Аникита, князь Ширинскій-Шихматовъ, во время пребыванія своего на Аѳонѣ въ 1836 году, сдѣлалъ было попытку водворить съ собой Русскихъ въ полузапустѣломъ Русикѣ и устроить тамъ для нихъ церковь во имя святителя и чудотворца Митрофана Воронежскаго, но попытка эта не увѣнчалась прочнымъ успѣхомъ: вскорѣ о. Аникита вынужденъ былъ оставить Русикъ и со всею Русскою братіей переселиться въ малорусскій скитъ св. пророка Иліи. Но къ сожалѣнію и здѣсь не обрѣли

Русскіе прочнаго себѣ пріюта: малороссіяне вознегодовали на нихъ и вынудили ихъ удалиться изъ своего скита, и они какъ сироты безпріютные проживали въ разсѣяніи по разнымъ скитамъ и келліямъ Аѳона, имѣя центромъ и главою своею старца-духовника іеросхимонаха Арсенія. Между тѣмъ положеніе древняго Русика, по удаленіи изъ него о. Аникиты и Русскихъ, стало самое плачевное: обитель была обременена долгами, которые грозили ей продажей съ торговъ, терпѣла скудость во всемъ, разрушалась и видимо клонилась къ запустѣнію. На ней какъ-бы лежала печать наказанія Божія, чего не могли не сознавать лучшіе изъ его братіи Греческой. Столѣтній старецъ іеродіаконъ схимонахъ Венедиктъ, и его ученикъ игуменъ Русика Герасимъ, первые увидѣли и сознали, что единственное средство возстановленія упадшей древней обители будетъ возвращеніе въ нее Русскихъ. И вотъ, по ихъ начинанію, состоялось отъ имени всей братіи Русика приглашеніе въ 1839 году изгнанныхъ малороссіянами изъ Пророко-Ильинскаго скита Русскихъ иноковъ, съ духовникомъ ихъ іеросхимонахомъ Павломъ, возвратиться въ древнее достояніе Русскихъ, монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, и поселиться въ немъ для совмѣстнаго жительства, подъ общимъ настоятельствомъ тамошняго игумена Герасима. Зовъ этотъ былъ предвозвѣщенъ о. Арсеніемъ; онъ убѣдилъ іеросхимонаха Павла не противиться волѣ Божіей и собравъ свою Русскую братію, мирно идти съ ней въ Русикъ, обнадеживая его, что на сей разъ житье ихъ тамъ будетъ прочное и многополезное для Русскихъ на Аѳонѣ. Іеросхимонахъ Павелъ неохотно согласился идти на житье въ Русикъ, опасаясь, чтобы Греки потомъ не изгнали его такъ же, какъ это случилось не задолго предъ тѣмъ съ о. іеромонахомъ Аникитой, княземъ Шириискимъ-Шихматовымъ; но старецъ-духовникъ Арсеній властно ему велѣлъ идти туда, ничего

не опасаясь,—говорилъ ему вдохновенно: «иди, Богъ благословитъ, и я благословляю, ибо давно уже дожидается Русскихъ св. великомученикъ Пантелеимонъ»! О. Павелъ хотѣлъ было помедлить немного переходомъ своей братіи въ Русикъ, но старецъ Арсеній и это ему воспретилъ. «Иди не медля, говорилъ онъ ему,—заутра переходи въ Русикъ: такъ угодно Матери Божіей, что въ который день Она входила во Святая святыхъ, въ тотъ-же день и Русскихъ вводитъ въ св. Русскую обитель Пантелеимонову». Такимъ образомъ по настоянію старца о. Арсенія, іеросхимонахъ Павелъ, 20 ноября 1839 года, въ навечеріе праздника входа во храмъ Пресвятыя Богородицы, переселился со всею своею братіей въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, чѣмъ и положилъ начало его внутреннему и внѣшнему обновленію. Братство Русское поселилось въ Русикѣ на особыхъ правахъ: состоя подъ общимъ настоятельствомъ игумена Грека, о. Герасима, управлявшаго Русикомъ, они отдѣльно состояли подъ духовнымъ руководствомъ своего духовника іеросхимонаха Павла, получили особую церковь для священнослуженія на славянскомъ нарѣчіи и вообще пользовались нѣкоторою самостоятельностію въ этой обители. По началу трудно было совмѣстить все это Русскимъ и Грекамъ въ одной обители, но при помощи Божіей игумену Герасиму и іеросхимонаху Павлу удалось недопустить столкновеній и неудовольствій, и жизнь русскихъ и грековъ мирно потекла подъ благодатнымъ кровомъ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Іеросхимонаху Павлу не долго впрочемъ судилъ Господь пожить и потрудиться въ Русикѣ: онъ прибылъ въ него какъ бы для того, чтобы очистить только путь иному сильному дѣятелю духовному, и лечь костьми своими въ прочное основаніе пребыванія Русскихъ въ Русикѣ. 2 августа 1840 года почилъ онъ о Господѣ, и года не проживъ въ Русикѣ*).

*) Духовникъ іеросхимонахъ Павелъ былъ родомъ изъ купцовъ г. Калуги.

Русскіе и Греки горько его оплакивали, ибо многое въ немъ теряли; главное же—не знали, гдѣ найти на его мѣсто человѣка, способнаго соединить въ себѣ всѣ нужныя качества для подобнаго нелегкаго послушанія. Настоятель Руспка, игуменъ Герасимъ, обратился съ просьбой объ этомъ къ старцу о. Арсенію, но тотъ велѣлъ ему повременить съ этимъ, говоря: «Богъ не оставитъ сію обитель безъ человѣка, но дастъ такого мужа, который устроитъ и украситъ сію оби-

---

Прибылъ на св. Аѳонскую гору въ 1804 г. Нѣкоторыя черты жизни о. Павла описаны гуслицкимъ игуменомъ Парѳеніемъ въ его книгѣ: „Сказаніе о странствованіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи и Турціи инока Парѳенія.“ О послѣднихъ дняхъ его жизни о. Парѳеній повѣствуетъ такъ: „іюля 28 числа 1840 года, о. Павелъ заболѣлъ, но литургію служилъ, хотя и съ трудомъ. Августа 2 числа уже въ церковь идти не могъ, но приказалъ читать утреню у себя въ келліи. Шестопсалміе читалъ самъ, съ особеннымъ самоуглубленіемъ, и много слезъ проливалъ, а наипаче на первыхъ трехъ псалмахъ, когда читалъ: *Не остави мене. Господи Боже мой, не отступи отъ мене: вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего. Боже. Боже мой, къ Тебѣ утреннюю: возжада Тебѣ душа моя, коль множицею Тебѣ плоть моя, и проч.* Пс. 37. 62. Потомъ нѣсколько утѣшился, и съ великимъ восторгомъ читалъ: *благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его: благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его* и проч. Пс. 102. Ектеньи уже не могъ сказать, а велѣлъ пропѣть двѣнадцать разъ „Господи помилуй.“ Когда начали пѣть: *Богъ Господь и явися намъ, благословенъ грядый во имя Господне*, онъ предалъ душу свою въ руцѣ Господа своего, Котораго отъ юности возлюбилъ и Которому тридцать шесть лѣтъ поработалъ въ иноческомъ чинѣ. Воистину, *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его.* Скончался безъ всякой болѣзни и страха: умеръ, какъ заснулъ сладкимъ сномъ, сидя и повѣсивъ свою голову. Увидивши сіе, братія оставили читать утреню, скоро пошли въ соборъ, и сказали игумену Герасиму. Изъ собора всѣ пришли къ усопшему. Греки горько о немъ плакали, не имѣя надежды видѣть изъ русскихъ другаго такого подвижника, кроткаго и смиреннаго. и не только они, но и братія другихъ обителей св. горы Аѳонскія о немъ плакали, услышавъ о его кончинѣ. Игуменъ Герасимъ послалъ по всей горѣ Аѳонской повѣстить всѣмъ русскимъ, чтобы пришли на погребеніе. Погребали его всѣмъ соборомъ русскіе и греки. Игуменъ Герасимъ горько плакалъ. Архимандритъ Прокопій грекъ говорилъ надгробное слово, и ублажалъ странствіе и скорби, кротость и смиреніе почившаго. Черезъ три года, по обычаю Аѳонскому, откопали его кости, и оказались, по Аѳонскому замѣчанію, благодатными: желты яко воскъ, и нѣкое малое испускали благоуханіе. И поставили главу его въ гробницѣ подъ церковію и написали на главѣ сице: *іеромонаха Павла русскаго.*

тель»! Межъ тѣмъ осиротѣлая Русская братія Русика рѣшила, что у нихъ никто болѣе не можетъ быть духовникомъ и руководителемъ ихъ, какъ или самъ старецъ Арсеній, или ученикъ его присный о. Іоанникій. Повѣдали они объ этомъ своему настоятелю, игумену Герасиму, и по его благословенію пошли просить старца Арсенія идти къ нимъ жить въ Русикъ, но по дорогѣ къ нему зашли въ келлію о. Іоанникія и стали его къ себѣ приглашать въ духовники, предвидя, что старецъ Арсеній на старости лѣтъ не рѣшится оставить свое уединеніе и идти къ нимъ въ монастырь. О. Іоанникій рѣшительно отказался отъ духовничества въ Русикѣ, говоря, что хотя и любитъ эту св. обитель за строгую въ ней жизнь иноковъ, но жить тамъ несогласенъ, особенно быть духовникомъ, ибо для этого нужно ему будетъ принять рукоположеніе іерейское, чего онъ отъ юности избѣгалъ, ибо изъ Россіи на Аѳонъ удалился, избѣгая іеромонашества. «Да и по слабости здоровья моего, не могу идти въ вамъ, отцы, не могу вмѣстить вашего строгаго общежитія», смиренно говорилъ имъ о. Іоанникій. Тогда Русскіе иноки пошли къ старцу-духовнику Арсенію, и слезно стали просить его, чтобы шелъ къ нимъ жить въ монастырь». «Меня и не просите, отвѣчалъ имъ великій старецъ,—я не изыду изъ сей пустыни, и не оставлю моихъ чадъ пустынныхъ, поэтому ниже поминайте мнѣ о семъ, а изберите себѣ кого другаго». Тогда Русскіе иноки стали просить старца, чтобы благословилъ къ нимъ духовникомъ своего ученика о. Іоанникія. Старецъ Арсеній задумался; потомъ сказалъ: «это дѣло великое, не легко потревожить о. Іоанникія съ учениками, потому что живутъ они мирно, келлія у нихъ своя, всего у нихъ вдоволь, развѣ будетъ воля Божія. Вашъ монастырь общежительный и Богу близокъ: пусть эту недѣлю вся братія постятся и молятъ Бога и Божію Матерь о явленіи въ семъ дѣлѣ мнѣ воли Божіей, а потомъ придите ко

скѣ архимандрита Герасима, по причинѣ болѣзни ногъ последніе свои годы проводившаго на одрѣ, на о. Іеронимѣ лежала нелегкая обязанность служить больному старцу орудіемъ управленія многолюдною обителью, докладывать ему обо всемъ, требовавшемъ его благословенія и согласія, уяснять ему ея нужды и вообще дѣйствовать такъ, чтобы и старецъ былъ миренъ и спокоенъ, и обитель его разноплеменная не чувствовала себя безначальною въ виду его болѣзненнаго положенія. Въ этомъ подвигѣ много помогалъ о. Іерониму нынѣшній настоятель Русскаго Пантелеимонова монастыря, о. архимандритъ Макарій *) присный сынъ его духовный и любимый его ученикъ, который и въ отношеніи къ престарѣлому архимандриту Герасиму умѣлъ дѣйствовать съ рѣдкимъ благоразуміемъ и любовію. О. Іеронимъ, глубоко любившій и почитавшій о. Макарія, всегда признавалъ его особымъ орудіемъ Промысла Божія въ дѣлѣ благоустройства св. Пантелеимоновой обители. О. Макарій, въ мірѣ Михаилъ Ивановичъ Сушкинъ, изъ богатой купеческой семьи города Тулы, поступивъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, подъ отеческимъ наставленіемъ и вліяніемъ духовнымъ о. Іеронима сталъ вѣрнымъ его подражателемъ во всемъ, пріобрѣлъ опытность духовную, сдѣлался намѣстникомъ болѣзненнаго старца архимандрита Герасима въ управленіи Пантелеимоновою обителью, и съумѣлъ всю ея разноплеменную братію руководить въ духѣ кротости, братолюбія и единомыслія. А это было

---

*) Скончался 19 іюня 1889 года, на 69 году отъ роду. О кончинѣ и погребеніи его см. „Душепол. Собесѣд.“ 1889 г.—Доцентъ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій написалъ обширную статью, подъ заглавіемъ: „Русскіе на Аѳонѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности игумена Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря священно-архимандрита Макарія (Сушкина).“ Статья эта нѣсколько лѣтъ печаталась въ журн. „Странникъ,“ а потомъ издана г. Дмитріевскимъ особою книгою (въ 422 стран.). С. П. Б. 1895 г. Цѣна 2 р. 50 к.—Желающіе могутъ кромѣ автора получать эту книгу адресуя: *въ Москву, въ Аѳонскую часовню Русскаго Пантелеимонова монастыря, на Никольской улицѣ, близъ Владимірскихъ воротъ, настоятелю часовни.*

очень трудно, особенно въ то время, когда послѣ несчастной болгаро-еллинской церковной распри, окончившейся извѣстнымъ печальнымъ постановленіемъ Константинопольскаго собора, отлучившаго болгаръ отъ единенія церковнаго, притязанія грековъ на господство стали усиливаться и въ Аѳонскихъ монастыряхъ, гдѣ иноки-греки ревниво стали отстаивать свое преобладаніе, и всячески стали тѣснить другія народности на св. горѣ. Въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ настоятелемъ хотя и состоялъ грекъ-старецъ архимандритъ Герасимъ, но давно больной, не встававшій съ ложа, управлявшій обителью через посредство о. Іеронима и о. Макарія, естественно этимъ самымъ сталъ возбуждать недовольство греческой братіи своей, помнившей время, когда греки были полными хозяевами въ этой обители, теперь же они должны были уступать и признавать равноправность съ ними за русскими, превосходившими ихъ и численностію, и состояніемъ вещественнымъ, которое богомудрыми распоряженіями о. Іеронима и о. Макарія было сберегаемо внѣ греческаго произвола. О. Іеронимъ, чуждый всякаго пристрастія къ народностямъ, видѣвшій и въ грекахъ и въ русскихъ одну братію о Христѣ, очень огорчился этимъ духомъ ревнованія за власть въ грекахъ, и всячески направлялъ ихъ на путь единомыслія и любви къ русскимъ, всегда давалъ имъ всякое предпочтеніе въ обители, какъ первымъ ея хозяевамъ, и всегда ставилъ на видъ всей своей братіи, что пришли они въ монастырь не для распрей народныхъ, а для спасенія души, почему какъ отъ грековъ, такъ и отъ русскихъ всегда требовалъ паче всего мира и любви братней другъ къ другу. Въ тоже время не могъ онъ оставлять мѣръ предосторожности, чтобы въ случаѣ кончины старца архимандрита Герасима настоятелемъ Пантелеимонова монастыря сталъ мужъ достойный и способный управлять имъ Богоугодно. Не видя въ числѣ греческой братіи человѣка на это способнаго, онъ въ выборѣ своемъ остановился

на о. Макаріѣ, который по своимъ качествамъ душевнымъ, опытности духовной и распорядительности хозяйственной болѣе иныхъ подходилъ къ послушанію настоятельскому въ Русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ, которое онъ ктомуже и проходилъ уже не малое время въ качествѣ намѣстника престарѣлаго и больнаго архимандрита Герасима, и проходилъ съ великою пользой для обители. Переговоривъ объ этомъ съ старцемъ-архимандритомъ Герасимомъ, о. Іеронимъ нашелъ въ немъ полное одобреніе своего выбора, ибо столѣтній старецъ сей, просвѣщенный Божіею благодатію, стоялъ выше узкихъ взглядовъ народныхъ и видѣлъ въ лицѣ о. Макарія вполнѣ достойнаго по своимъ нравственнымъ качествамъ преемника его настоятельскаго сана въ Руссикѣ. Онъ благословилъ о. Макарія быть послѣ его смерти настоятелемъ Пантелеимонова монастыря, о чемъ сказалъ и братіи, какъ русской, такъ и греческой. Русскіе радовались сердечно избранію въ настоятели о. Макарія, греки же начали волноваться, и около двухъ лѣтъ продолжали распрю по этому поводу, такъ что бывали времена въ Руссикѣ столь смутныя и печальныя, что казалось опять русскимъ приходилось покидать древнее свое достояніе. Особенно въ послѣднюю турецкую войну Россіи за освобожденіе болгаръ, когда турецкое правительство, подстрекаемое греками, и на Аѳонской горѣ не желало усиленія русскихъ иноковъ, положеніе ихъ въ Руссикѣ было самое критическое. Нужна была особенная помощь свыше, нужна была особенная опытность и власть духовная о. Іеронима, благоразуміе и кротость о. Макарія, чтобы избѣжать совершеннаго разрыва грековъ съ русскими и сохранить въ цѣлости связь ихъ духовную въ Руссикѣ. При помощи Богоматери и св. великомученика Пантелеимона, этого удалось достигнуть ревнителямъ мира и братолюбія—о. Іерониму и о. Макарію. Признанный въ санѣ своемъ настоятельскомъ въ Русикѣ константинопольскимъ патріархомъ и его синодомъ, о. Макарій съумѣлъ за-

ставить признать себя настоятелемъ своимъ и грековъ Русскаго Пантелеимонова монастыря, кротостію и благоразуміемъ своимъ повліявъ на нихъ такъ, что они наконецъ сознали, что даже грекъ-настоятель не будетъ для нихъ такъ добръ, доступенъ, милостивъ и справедливъ, как о. Макарій. По милости Божіей, переживъ всѣ скорбныя треволненія страстей человѣческихъ, Пантелеимонова обитель руководимая опытнымъ своимъ настоятелемъ, продолжаетъ процвѣтать во спасеніе душъ человѣческихъ. Къ ней устремлены взоры многихъ подвижниковъ и пустынножителей, которыхъ она кормитъ и содержитъ, которые безъ нея не имѣли бы пропитанія дневнаго. Уже эта одна ея заслуга велика предъ Богомъ и примиряетъ съ ней ея враговъ. И эта заслуга всецѣло принадлежитъ старцу о. Іерониму: онъ первый завелъ въ Пантелеимоновой обители щедрую раздачу милостыни бѣднымъ инокамъ и пустынножителямъ Аѳона. По мѣрѣ того, какъ увеличивались вещественныя средства Пантелеимоновой обители, увеличивалъ онъ эту раздачу, самъ руководилъ ею до послѣднихъ дней своей жизни, и, можно сказать, былъ истиннымъ отцемъ, благодѣтелемъ и кормильцемъ многихъ нищихъ на Аѳонѣ. Въ числѣ нищихъ иноковъ бывали великіе избранники Божіи, посвятившіе себя крайней нищетѣ. Умилительно было видѣть, когда сходились въ келліи старца эти нищіе иноки Аѳона разныхъ народностей. Всѣхъ ихъ зналъ о. Іеронимъ, ко всѣмъ относился съ любовію отеческою и каждаго снабжалъ по его потребѣ нужнымъ изъ большихъ запасовъ, всегда бывшихъ при его келліи, которые раздавали по его указанію его келейники. Кому давалъ чаю, кому сухарей, кому вина и просфоръ для Божественной литургіи, кому одежду, мантію, камилавку, схиму, до убогаго войлока и водоноса,— всѣмъ этимъ снабжалъ бѣдняковъ любвеобильный старецъ; кромѣ того имѣлъ еще при вратахъ обители всегда открытый запасъ пищи и сухарей, чтобы тѣ изъ пустынножителей, ко-

торые избѣгая людей не приходили къ нему днемъ за пищей, могли ею тайно запасаться ночью при вратахъ обители многомилостиваго Цѣлебника. Зная многихъ пустынножителей въ неприступныхъ дебряхъ и пещерахъ Аѳона, старецъ Іеронимъ посылалъ имъ подаяніе чрезъ избранныхъ на то братій, и взаимно получалъ отъ нихъ помощь молитвенную, ко благу и процвѣтанію своей обители. Но не однимъ мелкимъ подаяніемъ пищи и одежды благотворилъ о. Іеронимъ инокамъ Аѳона, нуждавшимся въ помощи: и денежное, и вещественное подаяніе не малое оказывалъ имъ, кому для построенія келліи пустынной, кому для покупки таковой по обычаю Аѳона, кому для уплаты долговъ, особенно русскимъ, гонимымъ греками изъ ихъ монастырей, что въ послѣднее время стало очень часто повторяться на Аѳонѣ. По волѣ его въ монастырскихъ владѣніяхъ недавно отдѣлено значительное пространство земли у морскаго берега для поселенія русскихъ иноковъ — келліотовъ, тѣснимыхъ греческими монастырями, построенъ на средства монастыря храмъ въ честь всѣхъ преподобныхъ Аѳонскихъ угодниковъ Божіихъ, и русскія жилища стали тамъ рости и множиться подъ покровомъ и осѣненіемъ Пантелеимоновой обители. Кромѣ того, въ самой Россіи, въ горахъ Кавказа, въ древней Пицундѣ, мѣстѣ подвиговъ и мученической кончины св. апостола Симона Кананита, отданномъ русскимъ правительствомъ во владѣніе Пантелеимонова монастыря, попеченіями оо. Іеронима и Макарія, устроилась новая общежительная обитель, подъ именемъ Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго монастыря, по чину и уставу Пантелеимонова монастыря. Въ новую обитель назначенъ опытный старецъ-настоятель изъ ближнихъ учениковъ о. Іеронима іеромонахъ Іеронъ, и нѣкоторое число братіи, успѣвшей уже освоиться съ своимъ новымъ мѣстожительствомъ и собрать къ себѣ довольное количество братіи изъ разныхъ концовъ Россіи, такъ что, можно надѣяться, современемъ эта обитель

станетъ духовнымъ разсадникомъ иночества для всего края, бывшаго нѣкогда христіанскимъ, а потомъ обратившагося въ полуязыческій, ибо дикія горныя племена Абхазцевъ почти утратили понятіе о христіанствѣ, и вотъ для нихъ новая обитель послужитъ къ духовному ихъ просвѣщенію вѣрою Христовою, для чего устроена при обители и школа для дѣтей окрестныхъ горцевъ. Нельзя не упомянуть въ числѣ прочихъ добрыхъ дѣлъ Пантелеимоновой обители и управлявшихъ ею старцевъ о. Іеронима и о. Макарія, о томъ рѣдкомъ страннолюбіи, которое оказываетъ эта св. обитель не только своимъ непосредственнымъ посѣтителямъ на Аѳонѣ, безъ различія званій и состояній, но и въ Одессѣ, и въ Константинополѣ, всѣмъ вообще поклонникамъ русскимъ, прибывающимъ туда по пути на Аѳонъ и въ Палестину. Здѣсь на подворьяхъ Русскаго Пантелеимонова монастыря находятъ они мирный пріютъ, пищу и попеченіе о себѣ духовное и вещественное. И въ самомъ сердцѣ Россіи—первопрестольной Москвѣ старцы Пантелеимонова монастыря основали гнѣздо благочестія и молитвы, устроили свою часовню во имя великомученика и цѣлителя Пантелеимона, что на Никольской улицѣ Москвы, и въ ней благоговѣйно удовлетворяютъ духовную потребу благочестивыхъ москвичей помолиться св. великомученику, славному своими милостями къ болящему и скорбящему человѣчеству. При этой своей часовнѣ Пантелеимоновъ монастырь имѣетъ складъ духовно-нравственныхъ книгъ своего изданія и распространяетъ ихъ въ православномъ русскомъ народѣ, питая его нетлѣннымъ брашномъ духовнымъ; кромѣ того издаетъ ежегодно листки подъ именованіемъ: «Душеполезныхъ Размышленій», *), которые выходя повременно въ теченіе года отдѣльными выпусками, при крайней своей дешевизнѣ (1 рубль за весь годъ), сдѣлались доступными всѣмъ клас-

---

*) *Примѣч. къ 2-му изданію.* Съ 1888 г. издается подъ измѣненнымъ заглавіемъ: „Душеполезный Собесѣдникъ.“

самъ русскаго общества, отъ богатыхъ и до неимущихъ; послѣднимъ и безплатно они высылаются во множествѣ Пантелеимоновою обителью, поставившею себѣ задачей не выгоду вещественную, а духовное благо для многихъ, всегда находящихъ въ этихъ листкахъ наставленіе и укрѣпленіе духовное, столь нужное въ нашемъ маловѣрующемъ и колеблющемся вѣкѣ. Духовникъ о. Іеронимъ неусыпно слѣдилъ изъ своего Аѳонскаго уединеннаго пріюта за всѣми благотворительными учрежденіями своей обители и радовался духомъ, видя, что со всѣхъ сторонъ идутъ къ ней чада послушанія, что на сѣверѣ и югѣ имѣетъ она прибѣжища благочестія и молитвы, въ которыхъ можетъ удобно служить душевной пользѣ людей. Умѣлъ онъ избирать для этихъ служеній людей способныхъ изъ своей братіи: кто не помнитъ въ Москвѣ его приснаго ученика іеромонаха Арсенія, который съ частями св. мощей обошелъ почти всю Россію, вездѣ оставилъ по себѣ благій слѣдъ духовный, который устроилъ московскую часовню Пантелеимонова монастыря и завелъ при ней изданіе и складъ книгъ душеполезныхъ? Самое изданіе листковъ «Душеполезныхъ Размышленій» обязано ему своимъ началомъ; онъ же основалъ и на Кавказѣ Симоно-Кананитскую обитель, ибо вездѣ успѣвалъ этотъ свято-подвижный старецъ, нашедшій себѣ и тихую могилу въ первопрестольной Москвѣ, вдали отъ дорогаго ему Аѳона *). Любовь была началомъ и концемъ всей дѣятельности жизненной о. Іеронима. Онъ былъ отецъ своимъ ученикамъ въ полномъ смыслѣ этого слова: и старцы сѣдовласые, и юноши безбородые, всѣ равно были ему дороги,

*) О. Арсеній скончался 17 ноября 1879 г. Біографическій его очеркъ помѣщенъ въ „Душеполезн. Размышленіяхъ.“ 1880—1881 г.; изданъ и особой брошюрой, цѣна 15 к., съ пересылкой 20 к.—Кромѣ того имѣется и особая книга подъ заглавіемъ: „Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря іеромонахъ Арсеній. Съ приложеніемъ писемъ его къ разнымъ лицамъ, мыслей и краткихъ замѣтокъ.“ (380 стран.). Москва. 1899 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

всѣхъ онъ руководилъ ко спасенію способами многоразличными, кого строгостію наказанія духовнаго, кого тихостію отеческой ласки, кого возвышеніемъ, кого униженіемъ, при чемъ въ результатѣ всегда получалось преуспѣяніе духовное ученика и послушателя его словъ. Дивно было видѣть сѣдовласаго старца, обремененнаго жестокимъ недугомъ, еле передвигающаго ноги, осаждаемаго день и ночь жаждавшими получить отъ него врачевство духовное, излить предъ нимъ свою душу, получить отъ него умиротвореніе совѣсти. Несмотря на свои страданія тѣлесныя, беззавѣтно отдавалъ онъ всего себя на служеніе братіи, и не было примѣра во все время многолѣтняго духовничества его въ Русикѣ, чтобы онъ кому отказалъ въ исповѣди. Не только своя братія, но и изо всей горы Аѳонской шли къ нему на исповѣдь ревнители подвиговъ духовныхъ, ибо онъ видимо возвышался надъ всѣми аѳонскими подвижниками даромъ высокаго разсужденія духовнаго, весьма рѣдкаго вообще въ подвижникахъ, не только нынѣшнихъ, но и древнихъ. Говорили аѳонскіе иноки-подвижники про о. Іеронима: «пойдемъ къ нему, онъ рѣшитъ наше недоумѣніе, ибо его устами вѣщаетъ Богъ». И такъ бывало на самомъ дѣлѣ: вопросы трудно разъяснимые, крайнія затрудненія совѣсти, сразу рѣшалъ онъ своимъ опытнымъ словомъ, такъ что приходившимъ къ нему оставалось лишь удивляться свыше дивному ему дару разсужденія духовнаго.

Почти полвѣка провелъ онъ въ духовничествѣ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ и сталъ видимо близиться къ закату своихъ дней. Видѣли это присные его ученики, трепетали при мысли его лишиться и усугубляли молитвы свои о продленіи его жизни для духовнаго ихъ блага. Три послѣдніе года жизни своей онъ очень болѣзновалъ, рѣдко когда могъ изъ келліи выходить. Въ малой церкви во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго, находящейся возлѣ его келліи, ежедневно

совершалось для него богослуженіе и поздняя Божественная литургія: онъ часто причащался св. Христовыхъ Таинъ. Въ соборномъ храмѣ съ великимъ трудомъ, поддерживаемый келейниками своими, могъ бывать только разъ въ году—на св. Пасху, и вообще очень тяжко страдалъ, но не прекращалъ своихъ трудовъ духовническихъ; самую раздачу милостыни нищей аѳонской братіи не оставлялъ, по своему обычаю лично ею распоряжался въ своей келліи, какъ бы плохо себя ни чувствовалъ. Съ осени 1885 года сталъ особенно сильно изнемогать. 1 октября, на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, престольный въ русскомъ соборномъ храмѣ Пантелеимонова монастыря, старецъ съ великимъ трудомъ вышелъ въ него на Божественную литургію, выстоялъ ее и причастился въ алтарѣ св. Таинъ, и это было уже последнее посѣщеніе имъ сего храма, имъ сооруженнаго и украшеннаго благолѣпно. Часто говорилъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни близкимъ къ нему ученикамъ своимъ, что жить ему уже осталось недолго, и запретилъ имъ молиться о продленіи его жизни. Старецъ былъ пожалованъ отъ щедротъ Русскаго Государя золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями; онъ его не носилъ, но благоговѣйно хранилъ какъ знакъ монаршей къ нему милости. Теперь крестъ этотъ велѣлъ онъ отдать въ ризницу обители, при чемъ благоговѣйно къ нему приложился, какъ бы прощаясь съ нимъ навсегда. Замѣчено было келейниками старца, что онъ, какъбы собираясь въ дальній путь, все въ келліи своей приводилъ въ порядокъ, слагалъ къ мѣсту и самъ былъ сосредоточенъ и задумчивъ. 11 ноября почувствовалъ онъ сильную боль въ желудкѣ, которая все усиливалась, и ничто изъ обычныхъ врачевствъ, которыми онъ прежде пользовался, теперь не помогало. Лежать онъ не могъ, все время сидѣлъ и пищи не принималъ. На 13 ноября ночью, во время всенощного бдѣнія въ честь св. Іоанна Златоуста, совершено

было надъ нимъ таинство св. елеосвященія архимандритомъ Макаріемъ съ соборомъ Іеромонаховъ обители. Старецъ усердно молился во время совершенія сего таинства и по чину его трогательно простился съ о. Макаріемъ и прочими священноиноками. «Пожалуйста не молитесь, чтобы я жилъ»! говорилъ онъ имъ, тѣмъ намекая, что многіе молятся о продленіи его дорогой для всѣхъ жизни. Все время находился въ полной памяти, хотя и сильно страдалъ. 14 ноября, въ четвергъ, въ концѣ утрени приносили къ нему въ келлію св. мощи великомученика и цѣлителя Пантелеимона и чудотворную икону Іерусалимской Богоматери, къ которымъ онъ съ благоговѣніемъ приложился. Послѣ литургіи въ 9 часовъ утра старецъ тихо отошелъ ко Господу, безъ всякихъ предсмертныхъ страданій, точно мирно уснулъ. Тѣло его, опрятанное въ схимонашескія одежды, было вынесено на одрѣ въ Покровскій соборъ обители, гдѣ начато надъ нимъ непрестанное чтеніе св. Евангелія. Народу было очень много: со всей св. горы стеклись иноки и пустынножители отдать послѣдній долгъ своему наставнику, кормилицу и благодѣтелю, и около 1000 человѣкъ ихъ насчитывали въ обители. Церковь была постоянно отворена, и люди днемъ и ночью входили въ нее и исходили, чтобы поклониться новопреставленному старцу и облобызать его хладную десницу. Многіе навзрыдъ плакали, вспоминая великую милость къ нимъ и доброту старца. «Кто-то насъ теперь накормитъ и одѣнетъ? говорили иные сиромахи иноки, толпясь вокругъ мертваго тѣла старца,—не стало нашего отца-кормильца, къ которому всякій шелъ свободно съ своею нуждой, и всегда получалъ отъ него ея удовлетвореніе». 16 ноября, въ субботу, было погребеніе старца. Наканунѣ было совершено заупокойное всенощное бдѣніе въ Покровскомъ соборѣ обители, гдѣ стояло тѣло старца. Въ день погребенія Божественная литургія совершена была въ соборѣ св. великомученика Пантелеимона преосвященнымъ

митрополитомъ Ниломъ съ большимъ соборомъ священниковъ, а въ Покровскомъ соборѣ архимандритомъ Макаріемъ, тоже со многими сослужащими священноинокамп. Въ причастное время въ Покровскомъ соборѣ, русскій іеросхимонахъ Парѳеній, постриженникъ Русика и потомъ бывшій настоятелемъ Переяславскаго полтавскаго монастыря въ Россіи, живущій теперь на покоѣ на Аѳонѣ, сказалъ краснорѣчивое надгробное слово, въ коемъ живо описалъ добродѣтели почившаго старца и всю скорбь русско-аѳонскихъ иноковъ въ его потерѣ. Въ это время братія начала прощаться съ почившимъ своимъ старцемъ-духовникомъ; поднялся плачъ и вопль, заглушавшій слова проповѣдника и ясно свидѣтельствовавшій, чѣмъ былъ почившій для многихъ. За братіей пошли прощатьея съ тѣломъ старца и бывшіе въ обители мірскіе поклонники, въ числѣ которыхъ одинъ, одержимый припадками бѣснованія, началъ сильно кричать и упираться, такъ что насильно былъ подведенъ и приложенъ къ рукѣ усопшаго, послѣ чего успокоился и сталъ усердно молиться. По окончаніи литургіи въ Покровскомъ соборѣ, была соборнѣ совершена литія на выносъ тѣла въ нижній соборъ св. великомученика Пантелеимона, при чемъ бѣсноватый опять сталъ неистово кричать, поминая нѣкую Анастасію и укоряя ее, что сюда его пустила и что его здѣсь душатъ. Едва смогли его снова подвести къ тѣлу старца и приложить къ его рукѣ, послѣ чего онъ опять успокоился, сталъ молиться и креститься, и когда понесли тѣло старца въ нижній соборъ, то сопровождалъ его, придерживаясь за конецъ холста, на которомъ несли его Іеромонахи. Въ соборѣ св. великомученика Пантелеимона встрѣтилъ шествіе преосвященный митрополитъ Нилъ съ сослужащими ему и началось отпѣваніе, во время котораго настоятель обители архимандритъ Макарій сказалъ трогательное слово, не разъ прерываемое его слезами и ясно свидѣтельствовавшее, чѣмъ былъ почившій для говорившаго

и что потерялъ онъ и вся его св. обитель въ его лицѣ. Когда началось послѣднее цѣлованіе усопшему, тогда плачъ и вопль такъ усилился, что покрывалъ собою церковное пѣніе. Въ это время другой поклонникъ міряпинъ, тоже одержимый бѣснованіемъ, взвизгнулъ и началъ метаться, но приложенный къ рукѣ усопшаго, успокоился. До 80 іеромонаховъ, 20 іеродіаконовъ участвовали въ отпѣваніи, которое вмѣстѣ съ литургіей продолжалось около 7 часовъ. Положили тѣло старца внутри монастыря, подлѣ алтаря главнаго собора обители во имя св. великомученика Пантелеимона, въ той самой могилѣ, гдѣ нѣкогда погребно было тѣло архимандрита Герасима, и такимъ образомъ какъ бы соединили и по смерти, неразлучныхъ въ жизни земной, ктиторовъ, обновителей и благодѣтелей Пантелеимоновской обители, столь много потрудившихся для ея преуспѣяніи и обновленія духовнаго. Наканунѣ 20-го дня послѣ смерти о. Іеронима, было найдено его духовное завѣщаніе своей братіи, которое и было прочтено соборнѣ, послѣ паннихиды по немъ въ 20-й день его кончины. Вотъ это духовно-трогательное завѣщаніе, въ которомъ излилась вся любвеобильная и смиренномудрая душа старца Божія, воистинну преподобнаго отца іеросхимонаха Іеронима, написанное имъ собственноручно и незабвенное для его учениковъ:

«Возлюбленные мои отцы и братіе! Я обращаюсь къ вашей любви за молитвенною вашею помощью мнѣ самому, такъ какъ приблизился конецъ моего житія съ вами, и я теперь имѣю великую нужду въ молитвенной вашей помощи мнѣ, отходящему отъ васъ въ путь вѣчный и невѣдомый, прошу васъ: молитесь о оставленіи многихъ моихъ грѣховъ, да улучу отъ Бога милость. Помяните любовь мою къ вамъ, ради которой я пренебрегалъ собственною моею пользой, но всегда искалъ только вашей пользы; всѣмъ вамъ сострадалъ и во всякой скорби вашей сочувствовалъ вамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

иногда, по ревности ко спасенію вашему, грѣшилъ я гнѣвомъ, укорялъ васъ хотя и отъ чистой любви, желая спасенія душамъ вашимъ. Но такъ какъ страсти незамѣтно примѣшиваются ко всякому доброму дѣлу, то могло быть, что иногда когда-либо и неправильно оскорбилъ, или чрезъ мѣру кого укорялъ, или какъ человѣкъ кого-либо чѣмъ намѣренно соблазнилъ. Потому прошу у всѣхъ васъ прощенія и усердныхъ молитвъ вашихъ за меня, да безбѣдно пройду страшныя мытарства злыхъ духовъ. И я прощаю всѣхъ васъ во всемъ, кто чѣмъ-либо меня оскорбилъ. Ахъ, отцы и братіе мои! воздайте мнѣ вашими слезными молитвами къ Богу за мою любовь къ вамъ. Ибо вы всѣ были въ моемъ сердцѣ, я обо всѣхъ васъ болѣзновалъ, съ скорбящими скорбѣлъ, съ воздыхающими воздыхалъ, съ плачущими плакалъ. Вотъ приблизился ко мнѣ тотъ страшный послѣдній часъ смертный, который былъ и для святыхъ страшенъ: а я, грѣшный, какъ не буду страшиться! Ибо сказано: «емуже много дано, много и взыщется отъ него»; боюсь суда Божія, братіе, помогите мнѣ вашими молитвами. Возболѣзнуйте о мнѣ вашими сердцами и пролейте о мнѣ слезы, да не задержанъ буду на мытарствахъ; ибо и святые многіе боялись смерти и просили другихъ молиться о нихъ. Вспомните предсмертное завѣщаніе св. Митрофана Воронежскаго, какъ онъ усердно просилъ всѣхъ молиться о немъ; тѣмъ болѣе мнѣ грѣшному нужно просить всѣхъ моихъ отцевъ и братій молиться о мнѣ. Тѣмже, отцы и братіе мои, дорогіе Христу, яко искупленные кровію Его, смиренно и усердно прошу васъ: пролейте моленія и слезы ваши предъ Богомъ о любившемъ васъ, грѣшномъ вашемъ духовномъ отцѣ, яко да обрящу милость на судѣ Божіемъ и сподоблюсь сопричисленъ быть къ лику спасенныхъ отцевъ и братій нашихъ. Поплачьте о мнѣ, поплачьте, это мнѣ и вамъ будетъ во спасеніе и на вѣчную славу Создавшаго насъ и спасшаго неизреченнымъ своимъ смотрѣніемъ,

Тріединаго Бога нашего, Отца и Сына и Святаго Духа, Которому да будетъ отъ всѣхъ насъ всякая слава нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь. Эту мою хартію прошу прочитать предъ погребеніемъ бренныхъ моихъ останковъ. Д. Іеронимъ».

Въ заключеніе повѣсти нашей о приснопамятномъ старцѣ-духовникѣ іеросхимонахѣ Іеронимѣ, позволяемъ себѣ присовокупить и то надгробное слово, которое произнесъ присный его ученикъ, о. архимандритъ Макарій, во время его отпѣванія въ соборѣ Пантелеимоновой обители, 16 ноября, 1885 года. Оно можетъ служить лучшимъ эпилогомъ для нашего смиреннаго сказанія о святопочившемъ великомъ старцѣ:

«Итакъ любвеобильнѣйшій отецъ и великій благодѣтель нашъ, сострадательный ко всѣмъ помощникъ, люботрудный ктиторъ обители нашей, вѣрный наставникъ ко спасенію и стяжатель рѣдкаго дара умной молитвы, духовнаго разсужденія и другихъ дарованій и добродѣтелей,—теченіе свое ты совершилъ на землѣ силою укрѣпившаго и обогатившаго тебя Христа, преплылъ житейское море многоразличныхъ искушеній, бѣдъ и болѣзней, благодатію Его окриляемъ, и обрѣлъ себя милостію Божіею ничѣмъ невозмущаемый покой. Но что за сонмы окружаютъ тебя? Виждь, отче и наставниче нашъ: се чада твоя пріидоша къ тебѣ, не кончину твою зрѣти, но отъ медоточныхъ устъ твоихъ глаголы живота вѣчнаго слышати; а ты спишь, сомкнувъ очи и уста свои. Возстани и благослови! Увы, онъ бездыханенъ!... Отче, умолкли твои привѣтливыя слова, съ которыми всѣхъ встрѣчалъ ты, слова сострадания, ободренія и утѣшенія, съ которыми всѣхъ отпускалъ отъ себя. Увы, какая плачевная утрата! Гдѣ нашъ отецъ? Гдѣ нашъ наставникъ? Кого мы лишились. Отче, отче! Пробудись и вонми: бѣдность проситъ милостыню, странникъ жаждетъ твоего утѣшенія, больной ждетъ твоихъ молитвъ и утѣшенія, падшій въ искушеніе ждетъ отрады въ своей бѣдѣ. Но нѣтъ, вѣрно ни мой голосъ, ни голосъ всѣхъ насъ не сильны воз-

будить тебя. Послѣ 33 лѣтняго странничества твоего въ отечествѣ и послѣ 50 лѣтней жизни иноческой и духовнической на св. горѣ, жизни многополезной и благоплодной, и съ тѣмъ вмѣстѣ многоскорбной и многоболѣзненной, ты возлегъ на долгій покой и крѣпкій сонъ, до гласа трубы архангельской. Давно желалъ и жаждалъ ты разрѣшиться отъ узъ плотскихъ, и денно-нощно молился о томъ; любовь же къ тебѣ всѣхъ чадъ твоихъ какъбы пересиливала твою молитву общимъ молитвеннымъ воплемъ о продленіи жизни твоей для пользы и блага ихъ. А теперь видно пришло время пересилить твоей молитвѣ усердную молитву всего братства. Упокойся же, непрестанный труженниче, до общаго возбужденія, послѣ котораго да подастъ тебѣ всеблагій Мздовоздаятель и вѣчное упокоеніе со святыми. Но Владыко живота и смерти! Ты зриши нашу скорбь, слышиши стенанія сердецъ нашихъ, зриши токи слезъ, орошающихъ очи наши; дерзаемъ Тебѣ рещи: гдѣ имамы наставника и совѣтника ко спасенію нашему? гдѣ обрящемъ утѣшеніе въ скорбяхъ и напастяхъ, послѣ взятія Тобою сего мудраго наставника, опытнаго руководителя и любвеобильнаго пѣстуна нашего? Сего ради припадающе молимъ Тя, благоутробне Господи: пріими въ руцѣ Твоего владычнаго защищенія насъ осиротѣвшихъ въ живомъ поученія слова Твоего и истины, и буди намъ Самъ, со всеблагою Матерью Твоею, руководителемъ и вождемъ нашего спасенія, живота и свѣта. Сотвори милость Твою съ преставльшимся отъ насъ отцемъ нашимъ; не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, прощавшимъ всѣхъ; аще бо беззаконія назриши, Господи, то кто постоитъ, аще и единъ день житія его будетъ на землѣ?—дадимъ убо послѣднее цѣлованіе незабвенному нашему отцу и мудрому наставнику, оросимъ прахъ его слезами, съ возношеніемъ теплыхъ молитвъ о упокоеніи его въ нѣдрахъ Авраамовыхъ. Ты же, отче нашъ, молимъ тя послѣднимъ нашимъ прошеніемъ: аще дастъ тебѣ

Господь дерзновеніе къ престолу величествія Своего, не забуди насъ чадъ своихъ, посѣщая души и сердца наши, испрошеніемъ благодати отъ Господа нашего Іисуса Христа. Прости насъ, руководитель нашъ, иди съ миромъ въ обитель небесную! Въ устахъ и сердцахъ нашихъ неумолкнетъ сей стихъ: вѣчная твоя память, достоблаженный отецъ нашъ, приснономинаемый! Аминь».

По справедливости многіе на святой Руси въ свою очередь скажутъ отъ души молитвенно «вѣчную память, присноблаженному русско-аѳонскому старцу-духовнику іеросхимонаху Іерониму, потому что Россія многимъ обязана ему, ибо свѣтильникъ сей хотя горѣлъ на Аѳонѣ, но сіяніемъ своимъ озарялъ и земную свою отчизну.

А. Ковалевскій.

1886 г. 18 генваря.

